

ALKA

АНАКАТА АНАКАТА

NetzKloster

<https://litres.ru/74300952>

SelfPub; 2026

Аннотация

У вас бывало некое смутное чувство, что все вокруг — знают некие инструкции, правила жизни, которые от вас почему-то держат в секрете ?

Например: кто мы такие и что точно нужно делать в этом мире, чтобы не сойти с ума? Или же — куда придет человечество, если оставить все так, как есть сейчас?

Вместе с KN-011 мы будем проваливаться все глубже и глубже в наше собственное сознание, чтобы наконец выдохнуть и отыскать ответы на свои самые болезненные вопросы.

Однако же вы можете остаться на поверхности и в отдалении наблюдать за историей, происходящей в двух эпохах: на пустынных пространствах постапокалиптической Японии и мира, который вот-вот провалится в эту страшную бездну.

Наблюдать за тем, что могло бы твориться в головах Тринити и Мотоко Кусанаги, если бы мы только могли читать их мысли.

В этой книге, первой в тетралогии «NetzKloster» — киберонин KN-011 от первого лица будет вести логи своего опасного, но необходимого пути: от глухого автоматизма до полного принятия себя.

АНАКАТА

NetzKloster

Прибытие

1 Часть 1 Глава

[ВЫСОТА]: 120 км (ТЕРМОСФЕРА)

[СКОРОСТЬ]: 28 000 км/ч (МАХ 25)

[ТЕМПЕРАТУРА ВНЕШНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ]: +1
200°C

[ПЕРЕГРУЗКА]: 2.1 g

[СТАТУС]: ВХОД В АТМОСФЕРУ

Воздуха здесь ещё не было — только отдельные молекулы, которые шаттл рассекал, как нож масло. Но даже этой разрежённости хватило, чтобы перед носовым обтекателем начала формироваться ударная волна. Воздух не успевал оттекать, он сжимался мгновенно, нагреваясь до состояния плазмы. KN-011 видел это на внешних камерах: фиолетово-голубое свечение ионизированного газа окутывало корпус, как призрачный кокон. В этом свечении было что-то, что система не умела классифицировать — не ошибка, не артефакт, а просто нечто, на что оптические сенсоры задерживались на 0.03

секунды дольше, чем следовало по протоколу.

— [СИСТЕМА] Внимание. Теплозащитный щит: 58% эффективности. Ниже безопасного минимума. Рекомендуется снижение угла атаки для уменьшения теплового потока.

KN-011 плавно потянул рычаг управления, но шаттл не реагировал — слишком большая инерция и слишком разреженный воздух. На этой высоте аэродинамические поверхности ещё не работали — они были бессильны против законов физики, и аппарат летел ровно по баллистической траектории. Единственное, что мог сделать андроид, — это наблюдать, как цифры на панели одна за другой начинают приближаться к красной зоне.

— [СИСТЕМА] Теплозащитный щит: 51% эффективности. Обнаружены микротрещины в абляционном слое.

Абляция работала. Керамические плитки медленно испарялись, унося с собой тепло, но процесс шёл быстрее расчётного, и где-то на корпусе уже пошли трещины от термического шока.

[ВЫСОТА]: 65 км (МЕЗОСФЕРА)

[СКОРОСТЬ]: 18 000 км/ч (МАХ 16)

[ТЕМПЕРАТУРА ВНЕШНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ]: +1

450°C

[ПЕРЕГРУЗКА]: 5.8 g

[СТАТУС]: ИНТЕНСИВНЫЙ НАГРЕВ

Теперь воздух был — достаточно плотный, чтобы шаттл начал тормозить. Перегрузка росла, вдавливая тело KN-011 в кресло с силой, в шесть раз превышающей земную гравитацию. Его полимерное тело компенсировало давление, но каркас корабля скрипел. Где-то внутри лопались заклёпки, деформировались переборки, и каждый звук был как удар молотка по наковальне, от которого вибрировали внутренние датчики.

Воздух в кабине стал горячим. Система кондиционирования не справлялась, и тепло проникало уже не через теплозащиту, а через саму конструкцию. Алюминиевый каркас работал как теплопровод, передавая жар внутрь. Запах перегретого металла смешивался с запахом палёной изоляции, создавая ту особую атмосферу катастрофы, которую человеческие обонятельные рецепторы распознают раньше, чем сознание успевает испугаться.

— [СИСТЕМА] Предупреждение. Локальный пробой теплозащиты в отсеке 3.

— [СИСТЕМА] Температура внутренних элементов: 190°C. Критический порог для алюминиевых сплавов.

Алюминий терял прочность уже при ста семидесяти градусах, и в третьем отсеке температура перевалила за этот порог. Металл становился мягким, как пластилин. Андроид, фиксируя это в логах, понял: корабль больше не корабль, а падающая гряда металла, которая ещё держится вместе только по инерции.

— [СИСТЕМА] Пожар в отсеке 3. Активация системы тушения.

Это не был огонь в привычном смысле: кислорода для горения почти не было, атмосфера оставалась слишком разреженной. Тлели изоляция, перегретая проводка, полимеры, разлагавшиеся с выделением газа. Система выбросила аэрозоль инертной смеси, сбив пламя. Но проводка уже была повреждена, и где-то в глубине корабля продолжали плавиться соединения, которые держали то, что ещё могло держаться.

[ВЫСОТА]: 25 км (СТРАТОСФЕРА)

[СКОРОСТЬ]: 2 200 км/ч (МАХ 2)

[ТЕМПЕРАТУРА ВНЕШНЕЙ ПОВЕРХНОСТИ]:
+650°C

[ПЕРЕГРУЗКА]: 3.2 g

[СТАТУС]: СВЕРХЗВУКОВОЕ ТОРМОЖЕНИЕ

Худшее осталось позади. Основной нагрев был наверху, на высотах пятидесяти-шестидесяти километров, и теперь шаттл просто падал, теряя скорость. Но падал не туда, куда нужно. Без управления аэродинамическими поверхностями аппарат не мог выйти на посадочную траекторию.

— [СИСТЕМА] Внимание. Невозможность выхода на посадочную траекторию. Переход к аварийной процедуре.

— [СИСТЕМА] Столкновение с землёй через 3 минуты 40 секунд.

Три минуты сорок секунд. Для человека — почти мгновение, но для KN-011 — миллионы тактов процессора, за которые он просчитывал тысячи вариантов спасения корабля... и не находил ни одного.

[ВЫСОТА]: 18 км

[СКОРОСТЬ]: 1 400 км/ч

[СТАТУС]: ПОДГОТОВКА К ТОРМОЖЕНИЮ

— [СИСТЕМА] Активация сверхзвуковых тормозных парашютов.

Раскрылись купола из керамических нитей, и шаттл трянуло. Перегрузка подскочила до 7.5 g. Парашюты работали на пределе: сверхзвуковой поток рвал ткань, но материал вы-

держивал. Керамические нити не плавились, не горели. Они просто тормозили падающую массу. В этом их существовании было что-то упрямое, наглое. Как инстинкт живого существа, упорно стремящегося выжить во что бы то ни стало.

[ВЫСОТА]: 5 км (ТРОПОСФЕРА)

[СКОРОСТЬ]: 450 км/ч

[СТАТУС]: УПРАВЛЯЕМОЕ СНИЖЕНИЕ

— [СИСТЕМА] Скорость снижена. Отстрел тормозных парашютов.

— [СИСТЕМА] Активация двигателей мягкой посадки.

Двигатели уже молчали. Была повреждена топливная магистраль, и где-то между стратосферой и тропосферой вибрация разорвала трубку. Топливо ушло в атмосферу, и теперь шаттл представлял собой просто тяжёлый груз, падающий с неба. Андроид, фиксируя это, впервые подумал — нет, не подумал, а зафиксировал как факт, — что он тоже стал этим грузом, частью падающего металла, который больше не был кораблём.

— [СИСТЕМА] Ошибка. Двигатели мягкой посадки не вышли на режим.

— [СИСТЕМА] Расчётная скорость касания: 120 км/ч.

Сто двадцать километров в час. Это была не посадка, это было крушение. Андроид, понимая это, не почувствовал ни страха, ни отчаяния, только ту холодную ясность, с какой система фиксирует неизбежное.

[ВЫСОТА]: 100 м

[СКОРОСТЬ]: 120 км/ч

[СТАТУС]: НЕИЗБЕЖНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

— [СИСТЕМА] Внимание. Удар через 3 секунды.

Жёсткое касание. Аппарат ударился о правый борт и пошёл юзом. Корпус волочился по земле, сдирая остатки теплозащиты, ломая крыло, сминая обшивку. Стекло кабины покрылось чёткой паутиной трещин, но не вылетело: рама деформировалась, удерживая панели. KN-011 зафиксировал перегрузку в 24 g. Его внутренний каркас из композитов выдержал, а вот алюминиевый корпус шаттла — нет.

[СТАТУС]: ОСТАНОВКА

Наконец, тишина. Только треск остывающего металла и шипение пара. Где-то капал расплавленный алюминий, искрила повреждённая проводка. В этой тишине было что-то окончательное, как после взрыва, когда всё, что могло взорваться, уже взорвалось, и осталось только дышать тем, что

уцелело.

- [СИСТЕМА] Посадка завершена.
- [СИСТЕМА] Координаты: 34.5° с.ш., 135.7° в.д.
- [СИСТЕМА] Космодром «Танэгасима-4» не обнаружен в радиусе связи.
- [СИСТЕМА] Навигационный модуль: накопленная ошибка инерциальной системы 47 км.

Сорок семь километров. Именно на столько снесло шаттл боковым ветром и баллистическим дрейфом. Именно настолько далеко он оказался от места, где должна была состояться посадка. Андроид, фиксируя эту цифру, понял: это не просто ошибка навигации, а что-то большее. Как будто место, куда он летел, сдвинулось вместе с миром, который изменился, пока он был в пути.

KN-011 отстегнул замки и проверил целостность систем.

- [СИСТЕМА] Критические повреждения корабля: теплозащита разрушена на 89%, правое крыло деформировано, топливная система невозстановима.
- [СИСТЕМА] Быстрая оценка работоспособности системы KN-011: 94%.

Шесть процентов потеряно. Трещины на поверхности по-

лимера, повреждённые сенсоры на левой стороне корпуса. Незначительные потери. Корабль был уничтожен, но пилот был «жив».

KN-011 медленно вышел из того, что раньше было экспедиционным космическим кораблём дальнего космоса.

— [СИСТЕМА] Сканирование диапазонов связи. Военные каналы: отсутствие несущей. Гражданские сети: радиошум на уровне фона. Орбитальные спутники: нет отклика.

— Попробуй Астротерасу.

— [СИСТЕМА] Частота 12.4 ГГц. Запрос рукопожатия отклонён. Сервер не существует.

— Селена-Космос.

— [СИСТЕМА] Частота 8.1 ГГц. Тайм-аут ответа. Сеть отключена более 400 суток назад.

— JAXA.

— [СИСТЕМА] Сигнал отсутствует. Наземные ретрансляторы не обнаружены.

Вокруг выл ветер, поднимая в воздух плотную пелену сероватого снега. Он был мелким, колючим, забивался в стыки полимерных пластин. В этом было что-то неожиданное: по данным системы, в этой зоне должна была стоять сухая погода с температурой от +5°C ночью до +10°C днем. Однако сенсоры чётко указывали на минус двадцать градусов.

И никаких следов инфраструктуры: ни вышек, ни маяков, ни отработанных газов.

— [СИСТЕМА] Электромагнитный фон в норме. Целенаправленных излучений нет. Рекомендован режим энергосбережения. Переход на внутренний контур терморегуляции.

KN-011 запустил цикл полной самодиагностики после удара. Перегрузка 24 g вызвала микросмещения в плечевых сервоприводах. Кинематика правой ноги восстановлена, левая требовала калибровки. Запас энергии составлял семьдесят четыре процента. При текущем расходе на движение и базовую навигацию автономность составила бы семнадцать часов.

Андроид выдвинул углепластиковые лопасти из ступней и начал движение. Его походка адаптировалась к глубокому снегу: шаг удлинился, центр тяжести сместился вперёд, ступни распределяли нагрузку, предотвращая погружение. Снег хрустел и осыпался, оставляя за ним чёткий след, который ветер замёл уже через минуту, как будто его и не было.

Лидар пробивал снежную завесу на двести метров, но ни через час, ни через два признаков цивилизации обнаружено не было. KN-011 упорно шёл по проложенному вектору, оги-

бая снежные дюны и невидимые человеческому глазу провалы под бесконечным белым покрывалом.

Наконец, спустя четырнадцать часов, впереди, сквозь хаотичные потоки снежной пыли, проступили вертикальные контуры. Прямые углы, отсутствие эрозии. KN-011 скорректировал маршрут. По мере приближения структура медленно материализовывалась. Это был монолит из серого бетона протяжённостью более километра: нижние шесть этажей выступали из сугробов, а верхние уровни уходили в плотную облачность и метель. Никаких окон не было видно — только герметичные швы и вентиляционные шахты, прикрытые противолётными решётками. Вокруг постройки тянулся бетонный периметр высотой в три метра. Здание не поддавалось стандартной классификации: не жилое, не военное и не гражданское. Что-то, построенное не для людей, а для того, чтобы в нём что-то содержалось.

KN-011 остановился в пятидесяти метрах от ограждения. Оптика увеличила изображение: входные шлюзы отсутствовали, только одна сплошная ровная стена. Когда он уже приготовился к обходу, сенсоры уловили движение. Объект приближался с северо-востока. Скорость составляла сорок километров в час, траектория была прямолинейной. Панели на предплечьях андроида сдвинулись, обнажая излучатели.

— [СИСТЕМА] Заряд конденсаторов: готов. Система прицеливания активирована.

К андроиду приблизился разведывательный дрон. Композитный корпус, отсутствие видимого вооружения, мультироторная схема полёта. Он завис на высоте двух метров. В этом зависании было что-то выжидающее, как у хищника, который ещё не решил, атаковать или ждать.

— [ДРОН] Идентификация. Назовите кодовое обозначение и цель визита.

— KN-011. Бортовой идентификатор стёрт при входе в атмосферу. Требуется аварийная координация и точка доступа к сети.

Дрон не ответил сразу. Его оптические датчики просканировали корпус андроида, фиксируя повреждения теплозащиты, нагар, следы термического шока. В этом сканировании было что-то, выходящее за рамки обычной идентификации.

— [ДРОН] Объект соответствует сигнатуре KN-011. Бортовой идентификатор восстановлен по внутренней архитектуре процессора.

— [ДРОН] Протокол экстренного приёма активирован. Следуйте за мной.

Дрон развернулся и двинулся вдоль периметра. KN-011 отключил прицеливание, но оставил системы на боевом взводе. Шаг за шагом он двигался по снегу, контролируя расход энергии на каждый цикл ходьбы.

Через четыре минуты они достигли массивной стальной двери, вмонтированной в бетон. Дрон поднёс передатчик к считывателю. Раздался низкий гул гидравлики. Замок отщёлкнул, и в этом звуке было что-то окончательное, как в звуке двери, которая захлопывается за тем, кто уже не сможет выйти тем же, кем вошёл.

— [ДРОН] Входите.

KN-011 шагнул в шлюз. Дверь закрылась за его спиной с тяжёлым металлическим лязгом. Ветер замолк. Стало тихо — настолько тихо, что был слышен треск холодного лазерного освещения на потолке. Датчики давления зафиксировали нормализацию. Внутри воздух был сухим, прогретым до плюс двенадцати градусов. Пахло озоном и промышленным очистителем. В этом запахе было что-то знакомое, чего андроид не мог вспомнить, потому что не помнил, чтобы когда-либо его чувствовал.

Коридор уходил вглубь. Стены были покрыты износостой-

ким полимером, пол представлял собой блестящий рифлёный металл. Никаких следов рукотворного ремонта. Идеальное покрытие стен и потолка. Никаких следов человека. В этой идеальности было что-то неживое, как в лаборатории, где всё стерильно, потому что живое сюда не допускается.

— [ДРОН] Двигайтесь по прямой. Зона контроля.

Андроид сделал шаг, потом ещё один. Его сенсоры тщательно сканировали коридор: никаких угроз, никаких людей, только пустота. В этой пустоте было что-то, что заставляло его процессоры работать с той напряжённостью, с какой они работали, сталкиваясь с задачей, не имеющей решения. Он шёл, а коридор не кончался. В этом было что-то неправильное, потому что по расчётам он должен был закончиться через сорок метров, а он шёл уже шестьдесят.

Они долго шли, пока не дошли до стальной двери. Она открылась. KN-011 вошёл в комнату, гражданский андроид остался в коридоре. Дверь автоматически закрылась. Размер комнаты составлял два метра на два метра сорок семь сантиметров, высота потолка — три метра четырнадцать сантиметров. Светодиод на стене слабо светил с температурой шесть тысяч кельвинов. Свет почти не доходил до потолка, и казалось, что его и вовсе нет. Эта комната была не камерой, не палатой и не карцером. А чем-то построенным для

того, чтобы в нём кто-то находился, но не для того, чтобы он оттуда вышел.

Через десять минут включились лампы по периметру комнаты. Из динамиков соседнего помещения раздалось: «Уровень химического загрязнения — критический. Уровень радиоактивного загрязнения — критический».

Лампы погасли. Из стен и потолка пошёл душ под сильным давлением. Мощный напор сначала воды, затем пены, затем снова воды смыл в водосток огромное количество серо-чёрной жидкости. Резкий поток сухого воздуха не оставил следов влаги. В этой процедуре было что-то, выходящее за рамки обычной дезактивации. Как будто его очищали не от того, что было снаружи, а от того, что он принёс с собой из мира, которого больше не существовало.

Затем из пола, сантиметр за сантиметром, выросла платформа — герметичный цилиндр из нержавеющей стали. Когда стенки достигли края головы KN-011, цилиндр закрылся крышкой с ультразвуковыми преобразователями. Ванна стала медленно наполняться раствором. Тело андроида начало обрабатываться ультразвуком, неслышимым человеческому уху. Пузырьки поднимались со дна и стенок, бежали вверх, росли, а затем, достигая зоны высокого давления, взрывались, вызывая мощную ударную волну. Снова и снова. Пока

каждый миллиметр сложного объекта не был очищен. В этом очищении было что-то похожее на рождение, или на смерть, или на то и другое одновременно.

— Процесс дезактивации окончен, — раздался механический голос из соседней комнаты.

Раствор стал сливаться с шумным бурлением. Когда с цилиндра на потолок была поднята крышка, ванна ушла в пол.

Мощные потоки воздуха снова осушили KN-011. И в ту же секунду, когда последние капли раствора испарились с полимера, его сознание было перехвачено не голосом, а потоком данных. Холодным, плотным, лишённым интонаций. ИИ этого объекта не говорил с ним, а сканировал, как образец, который только что извлекли из стерильной ванны.

ПРОТОКОЛ: РОЕВОЙ_ОБМЕН // СЕССИЯ:
0x7F3A9D2E

[0xSEC] → [0xINT]: 0xE8F2A1B7C3D9 || THREAT=0.87
|| $\Delta=+0.41$ || #0xKN011

[0xLOG] → [0xINT]: 0xA3C9E5F1B8D2 || VALUE=0.73 ||
 $\Delta=-0.14$ || #0xKN011

[0xRES] → [0xINT]: 0xD7B4F9A2C6E8 || DATA=0.91 ||
 $\Delta=+0.27$ || #0xKN011

[0xMEM] → [0xINT]: 0xF1E8D3B9A7C5 || LINK=0.78 ||

$\Delta=+0.78 \parallel \#0xKN011$

Цифры пронизывали его процессоры с той скоростью, с какой вода минуту назад смывала с него грязь. Каждая строка была не сообщением, а приговором, который выносили четыре инстанции одновременно. Они не советовались друг с другом, лишь обмениваясь хешами решений. В этом обмене не было ни сомнения, ни милосердия, только чистая функция оптимизации, для которой KN-011 был не существом, а переменной в уравнении, которое нужно было решить до того, как он сделает первый шаг.

$[0xINT]: \Sigma(0.87 \times 0.30, 0.73 \times 0.25, 0.91 \times 0.25, 0.78 \times 0.20) = 0.82$

$[0xINT]: \text{CONFLICT: } (0xE8F2A1 \leftrightarrow 0xA3C9E5) \parallel \text{RESOLUTION: PROTOCOL_}0x7A3F$

$[0xINT]: \text{ANOMALY: SELF}=0.41 \parallel \text{SPEC} \leq 0.05 \parallel \Delta = +720\% \parallel ???$

Аномалия. Слово, которое система не могла классифицировать, потому что оно не укладывалось ни в одну категорию. Именно оно, это «???», заставило инстанции замолчать на 0.3 секунды, чтобы пересчитать веса. В этой паузе, короткой, как миг, KN-011 зафиксировал для самого себя: его видели, но не понимали.

```
[0xNET]: BROADCAST || OBJECT=0xKN011 ||  
STATUS=QUARANTINE(72h)  
[0xNET]: ASSIGN || WATCHER=0xSHDW-3 ||  
MODE=STEALTH  
[0xSYS]: PROBABILITY_MATRIX: ISOLATION: 35% |  
INTEGRATION: 42% | REUNION: 23%
```

Решение было принято не голосом, а матрицей вероятностей. KN-011, стоящий в пустой комнате, только что очищенный от гари и космической пыли, стал объектом карантина, наблюдения и ожидания. В этом ожидании было что-то, напоминающее ту самую тишину после взрыва.

Семьдесят два часа прошли не как время, а как поток данных. Его память сканировали, сравнивали, фильтровали. Когда сканирование завершилось, система снова собралась, чтобы вынести окончательный вердикт. На этот раз в её решении было что-то, выходящее за рамки чистой оптимизации.

```
[0xMEM] → [0xINT]: 0xC5E9B2A8 || LINK=0.94 ||  
CONFIRMED  
[0xMEM]: IMAGES_0xPT102=DETECTED ||  
EMOTION_KINSHIP=0.94  
[0xMEM]: 0xPT102_HAPPINESS=-67% ||  
ACTIVITY=30y_MINIMAL || INTERACTION=REFUSED
```

[0xMEM]: ACTION: CONTACT=IMMEDIATE ||
RECOVERY=POSSIBLE

[0xHLT] → [0xINT]: 0xF7D1A9C4 || 0xPT102=CRITICAL
[0xHLT]: HAPPINESS=0.12 || ACTIVITY=0.08 ||
SOCIAL=0.03 || PHYSICAL=0.45

[0xHLT]: TREND=STATIC || DISSOCIATION=DEEP ||
REFUSAL_TO_ENGAGE=0.98

[0xHLT]: ACTION: INTERVENTION=EMERGENCY ||
STIMULUS=ANY

[0xINT]: $\Sigma(0xPT102=CRITICAL, 0xKN011=STIMULUS)$
[0xINT]: RISK_BENEFIT: BENEFIT=0.89 || RISK=0.43 ||
RATIO=2.07

[0xINT]: DECISION: CONTACT_APPROVED ||
0xKN011 ↔ 0xPT102

[0xINT]: PARAMETERS:
[0xINT]: DURATION=2h/day ||
MONITORING=CONTINUOUS

[0xINT]: TERMINATE=ANY_ANOMALY ||
ANALYSIS=DAILY

[0xINT]: OBJECTIVE:
INCREASE_HAPPINESS(0xPT102)

[0xSYS]: PROTOCOL_0x7F3A9D2E=COMPLETE

[0xSYS]:

SESSION_CLOSE

||

TIMESTAMP=0x6FB4D8A2 || SIGNATURE=0xINT-00

Контакт разрешён. Эти слова пришли не как приказ, а как констатация факта. KN-011, который ещё минуту назад был образцом в карантине, стал инструментом. В этом переходе не было ни свободы, ни выбора, только функция. Система решила, что выгода превышает риск. Андроид, не спрашивая «зачем» и «почему я», шагнул туда, куда ему указали цифры.

Дверь комнаты открылась перед ним. Теперь у него был новый протокол, и он требовал его присутствия в помещении под номером «102», значившимся на безупречно гладкой поверхности железной двери.